

3/283/2a

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

ГРУППА

«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА □ □ 1924

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Философская эволюция Маркса, посмертная рукопись с предисловием Л. Аксельрод (Ортодокс)	5
<i>В. И. Засулич.</i> —Нечаевское дело, посмертная рукопись с прим. А. И. Успенской и Л. Г. Дейча	22
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Был ли Нечаев гениален?	73
<i>П. Б. Аксельрод.</i> —О задачах научно-социалистической литературы («письмо к товарищам»)	87
<i>О. Нельский.</i> —Движение русской общественной мысли от идеализма к марксизму (Белинский—Чернышевский—Плеханов)	103

<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из Кариийских тетрадей: I. Жизнь Плеханова в Бэжи над Клараном; II. Переговоры с «придворными сферами»	119
<i>М. Рыжанская.</i> —Первый реферат Плеханова в Цюрихе	145
<i>М. Вископф.</i> —Члены группы «Освобождение Труда»	149
<i>Ц. С. Гуревич-Мартыновская.</i> —Знакомство с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич	160
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Эмигранты и наивный миротворец (из встреч с членами группы «Осв. Тр.»)	168
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Аарон Зунделевич (один из первых социал-демократов в России)	185

ПИСЬМА:

<i>Л. Дейч и В. Засулич.</i> —Плехановым	217
<i>В. И. Засулич.</i> —К. Марксу	220
<i>К. Маркс.</i> —В. Засулич	222
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Г. В. Плеханову	225
<i>Л. Г. Дейч.</i> —В. И. Засулич и остальным членам группы «Освоб. Труда» (из тюрем, каторги и ссылки)	227
<i>Г. В. Плеханов и Ф. Энгельс.</i> Переписка, с предисл. Л. Дейча.	306

ААРОН ЗУНДЕЛЕВИЧ

(один из первых социал-демократов в России)

I.

Год тому назад, 30 августа 1923 г., в Лондоне скоропостижно скончался А. И. Зунделевич, являвшийся одним из наиболее крупных и оригинальных деятелей, каких мне когда-либо пришлось встретить. К тому же, он был также одним из наиболее близких и дорогих мне лиц. Пока мне пришлось написать о нем лишь два кратких некролога. Теперь посвящаю ему свои более обширные воспоминания.

По революционной кличке «Мойша», которая была ему дана, я знал его задолго до личной встречи из рассказов товарищей. При упоминании о каком-нибудь предприятии члены северной организации, — они же назывались «троглодитами», — обыкновенно говорили: «когда придет Мойша, можно будет это сделать», или: «необходимо дождаться возвращения Мойши, что он на это скажет» и т. п. Получалось впечатление, что Мойша «специалист» или «эксперт» чуть ли не по всем отраслям революционных дел. При этом я замечал, что товарищи произносили эту его неблагозвучную кличку с какой-то особенной, мягкой интонацией, в которой чувствовалось, что они относятся к нему с нежностью, с большой симпатией; было очевидно, что Мойша общий любимец, пользующийся к тому же глубоким уважением со стороны всех решительно товарищей.

Это было летом 1878 г., когда я со Стефановичем и Бохановским, незадолго перед тем убежавши из киевской тюрьмы, приехали в Петербург, где мы близко сошлись с чле-

нами Северной организации, вскоре затем получившими название «землепольцев». Вместо давно уже тогда арестованного Натансона, — главного основателя этого общества, — орудовали в кружке чрезвычайно симпатичная и энергичная жена его Ольга, а также большой приятель ее — «Алешка» (Сабуров), «Дворник» (А. Михайлов) и др. Мойши не было в Петербурге: незадолго до нашего приезда туда он в качестве «управляющего департаментом иностранных дел», т. е. заведывающего контрабандными сношениями через границу, отвез в Германию — в сопровождении Д. А. Клеменца — Веру Засулич, которую жандармы хотели арестовать после оправдания ее присяжными за известное ее покушение на градоначальника Трепова.

Рассказы товарищей относительно ловкости, находчивости и практичности Мойши сводились, главным образом, к техническим отраслям революционной деятельности. Сообщали, напр., как дешево и вместе совершенно безопасно, без малейшего риска провала, он умеет устраивать переправу через границу многих людей, а также огромных транспортов революционных сочинений и других запрещенных предметов и что при этом у него никогда еще не было никакого провала, между тем как раньше масса лиц и тюков с запрещенными изданиями погибало. Но в особенности, помню, восторгались товарищи замечательной практичностью и умением, проявленными Мойшей в деле устройства «Вольной Русской типографии» в самой столице русского царя, к крайнему негодованию и возмущению явной и тайной полиции, которые, несмотря на все розыски, никак не могли открыть места ее нахождения.

Уже и раньше того некоторые революционные кружки основывали то в том, то в другом городе России нелегальные типографии. Но все такие заведения были очень примитивны, несовершенны, а главное, недолговечны: полиции удавалось скоро их открывать, при чем, конечно, каждый раз она арестовывала много лиц. Поэтому у некоторых революционеров того времени составилось убеждение, что не имеет ни малейшего смысла внутри России, а тем более в ее столице, устраивать типографию, так как в техническом отношении она не может быть сколько-нибудь сносно обставлена, тем более устроена безопасно, без риска для мно-

гих лиц. Между тем, можно сказать, если не с каждым месяцем, то с каждым годом все более и более росла тогда потребность в местной агитационной литературе. Но этой потребности, несмотря на до совершенства доведенное Зунделевичем устройство контрабандного пути через границу, не могли удовлетворять привозимые из Зап. Европы произведения. Мойша был одним из первых лиц, сознавших необходимость для общества «Земля и Воля» иметь свою собственную типографию в самом Петербурге. Встреченный им со стороны товарищей отпор, по вышеуказанным соображениям, не остановил Зунделевича: он принадлежал к числу упорных, настойчивых людей, которые не скоро сдаются, не отказываются от явившихся у них планов, пока лично, на практике, не убедятся в их неосуществимости. С присутствием ему необыкновенным упорством принялся он за свой план, — научился набору, привез из-за границы соответствовавший его цели типографский станок со всеми остальными принадлежностями, привлек нужных сотрудников, в числе которых была одно время, между прочим, В. И. Засулич, а также известная М. К. Крылова, и в Петербурге возникла «Вольная Русская типография», устроенная до того конспиративно, что никакие розыски полиции не могли ее открыть, несмотря на настойчивые требования этого со стороны всемогущего царя. Забегая вперед, скажу здесь, что она так и осталась неоткрытой, пока существовало об-во «Земля и Воля».

Когда я с названными товарищами в июне приехал в Петербург, эта типография функционировала уже больше полугода; из нее была выпущена масса листов и брошюр, на которых обозначалось, что они печатались в «Петербургской Вольной Русской типографии», и объявлялось, что вскоре там же начнет выходить периодический журнал под названием «Земля и Воля».

Легко, поэтому, представить себе возмущение всеильного тогда III Отделения: после появления каждого нового листка производились многочисленные обыски в надежде напасть на след этой типографии, но ни малейших указаний на это власти нигде не находили.

Если мы примем во внимание, что в то время, т. е. с весны 1878 г., — под влиянием окончившейся русско-турец-

кой кампании, а также упомянутого уже мною вскользь выше финала дела Веры Засулич и знаменитого процесса 193-х, — в России началось значительное общественное возбуждение, сильный под'ем, то понятно будет, что в такой момент возможность тут же пользоваться свободным печатным станком играла громадную роль и принесла неоценимую услугу революционному делу в России. А этим, как я уже сообщил, мы в значительной степени были обязаны Аарону Зунделевичу.

Перечисленным далеко не исчерпывалась его продолжительная революционная деятельность. Но поделюсь сперва имеющимися у меня сведениями о его детстве и юности.

II.

Сын небогатого мещанина, обремененного большим семейством, Зунделевич родился в городе Вильно в 1853 г. В детстве и отрочестве Аарон отличался чрезвычайной наблюдательностью и фанатически точным соблюдением всех многочисленных еврейских обрядов. Так, напр., если мать, приготавливая для субботы «халу»¹⁾, не исполняла какого-нибудь незначительного правила, маленький «ортодокс» отказывался есть эту булку и т. п. Целые дни проводил он в изучении талмуда и других священных книг. Не довольствуясь находившимися в Вильно «ешиботами»²⁾ и тамошними знатоками религиозной премудрости, он пешком отправлялся за много верст в другие, известные среди специалистов, места, где обретались наиболее знаменитые, прославленные ученые раввины. Сам он, конечно, также готовился стать со временем одним из них.

Но новые веяния, охватившие, как известно, после Севастопольского поражения лучшую часть русского общества, достигли в начале 70-х г.г. и до этого одаренного большими способностями отрока: он узнал о существовании других, кроме еврейских, наук и усердно принялся за их изучение. После необходимой подготовки, юный Зунделевич, выдержав экзамен, поступил в «казенное раввинское учи-

¹⁾ Плетеные булки.

²⁾ Специальные школы для изучения древне-еврейских писаний.

лице»¹⁾ в Вильно. А когда затем в разных концах России началось известное, не раз упомянутое в разных очерках, движение «в народ» и отголоски его достигли также до Вильны, то среди учеников раввинского училища начали распространяться подпольные революционные издания. Затем возник кружок, члены которого, вместо подготовки себя к обязанностям «казенных раввинов», начали, подобно воспитанникам всех других тогда учебных заведений, заниматься разными ремеслами, чтобы направить свою деятельность в среду русских крестьян; единоплеменникам же своим тогдашние революционеры - евреи считали совершенно излишним посвящать свои силы и знания.

Только один член этого виленского кружка, состоявшего исключительно из еврейской молодежи, — Аарон Либерман, приобретший в 70-х г.г. довольно большую известность за границей, признавал необходимость понести проповедь социализма также и в среду еврейской голытьбы, что вскоре затем он и осуществил, занявшись агитацией и пропагандой в Лондоне, вместе с Л. Гольденбергом, а потом в Вене — с Аронзоном, Гр. Гуревичем и Л. Цукерманом.

Хотя условия, в которых пришлось действовать виленскому кружку, были сравнительно довольно благоприятны, и полиция ничего не знала о начавшемся среди еврейской молодежи движении, но нашлись добровольцы-предатели, открывшие глаза властям. Тогда начались обыски и аресты: Зунделевичу, Либерману, Иохельсону²⁾ и еще нескольким скомпрометированным лицам удалось избежать ареста; некоторые из них, в том числе Зунделевич, перешедши контрабандным путем через границу, поселились в Кенигсберге.

Еще до присоединения Зунделевича к революционному движению, уроженка г. Вильны, студентка медицинских курсов, Анна Михайловна Эпштейн, ставшая впоследствии женой известного чайковца Д. А. Клеменца, завела сношения с ее сородичами-контрабандистами для получения из-за границы запрещенных произведений. Она же познакомила с этим делом своего земляка Зунделевича, который, таким

¹⁾ Средне-учебное заведение, предназначавшееся для подготовки еврейских учителей и казенных раввинов.

²⁾ Впоследствии ставшему известным ученым — этнографом.

образом, явился ее преемником, поставившим, как я уже сказал, затем это дело наилучшим образом. Когда же Натансон после возвращения из ссылки (в конце 1875 г.) создал Северную организацию, то, разыскав Зунделевича в Кенигсберге, привлек его в последнюю.

Природный большой ум, практичность, способность быстро ориентироваться, — эти и другие свойства, которые были присущи Зунделевичу с юных лет, оказались особенно ценными, когда он целиком посвятил себя революционной деятельности. Он, как я уже упомянул, не довольствовался одним заведыванием «иностранным департаментом», несмотря на чрезвычайную важность последнего: не было почти ни одного крупного предприятия, в котором «Мойша» не принял бы того или иного участия. При этом всегда заранее можно было знать, что он исполнит взятую им на себя функцию наилучшим образом. Так, в знаменитом побеге П. Кропоткина на обязанности Зунделевича лежало отвлечь внимание стоявшего на посту вблизи военного госпиталя дежурного полицейского, что ему вполне удалось. Аналогичных примеров можно было бы привести немало.

Когда я познакомился с Аароном, ему было лет 25; но, благодаря довольно значительной бороде, он выглядел несколько старше и казался уже довольно солидным, деловым человеком.

III.

Прожив в Петербурге несколько недель, Стефанович, Бохановский и я намеревались при помощи Северной организации отправиться на время за границу, чтобы, как говорится, замести за собой следы. Но без «Мойши», — как сказали нам члены ее, — мы не могли этого осуществить; между тем, отвезши Веру Засулич, он где-то замешкался. Нас начало уже раздражать нетерпение, когда однажды быстрой походкой вошел к нам давно ожидавшийся нами «Мойша».

Конечно, и до знакомства с ним, я на своем веку видел немало как хороших, так и дурных соплеменников, но ни один из них не произвел на меня сразу столь выгодного

впечатления, как Зунделевич: что-то в высшей степени симпатичное, благородное и честное было на его типично-еврейском, живом, энергичном и вместе добром лице.

Красивое лицо его, покрытое густой черной растительностью, дышало здоровьем, бодростью и энергией; из-под густых, длинных ресниц ласково смотрели добрые, умные темно-карие глаза, и, вообще, «Мойшу» можно было причислить к красивым еврейским типам.

Я и названные мною два товарища сразу почувствовали к нему большое расположение. После обмена несколькими фразами нам казалось, что мы давно уже с ним знакомы и были очень довольны, что именно он будет нашим путешественником в предстоявшем небезопасном для нас путешествии контрабандным способом.

Хотя «Мойша» только что приехал из-за границы, он, тем не менее, выразил полную готовность сопровождать нас, но мог это сделать только через несколько дней, так как в Петербурге у него было очень важное и спешное дело: ввиду задуманного Кравчинским плана убить тогдашнего шефа жандармов, нужно было проследить все выходы, выезды и прогулки генерала Мезенцева, что было далеко не безопасной задачей, потому что, как главного тогда начальника всей тайной полиции, его оберегала свора шпииков.

Буквально, не успев осмотреться, Мойша тотчас же по приезде принялся за расследование образа жизни шефа жандармов, для чего с утра до позднего вечера следил за его выходами, ухитряясь, как это умел лишь он, остаться никем не замеченным. В самое короткое время он в точности узнал все привычки ген. Мезенцева, и, только окончив эту, а также и еще другие добровольно взятые им на себя функции, он мог уехать с нами.

Не буду повторять уже в другом месте описанный мною процесс контрабандного перехода через границу ¹⁾. Скажу лишь, что ангажированный для этого Зунделевичем еврей-контрабандист, после того как мы под его руководством благополучно перешли на германскую территорию, привел нас в гостиницу, содержавшуюся немцем и служившую складочным пунктом для перевозимой Зунделевичем подпольной

¹⁾ См. «На рубеже», «Вестн. Европы», 1911 г.

литературы, а также и убежищем для эмигрантов, переходивших эту границу в ту или другую сторону. Из этой гостиницы, дождавшись сумерок, в прекрасном хозяйском экипаже, в который запряжена была пара сытых лошадей, мы в сопровождении Зунделевича поехали на ближайшую железнодорожную станцию, отстоявшую в двух десятках километров от границы.

Более «художественно-гладкую», если можно так выразиться, к тому же скорую и дешевую переправу трудно было бы устроить. При этом мы имели возможность убедиться, что Зунделевич, несмотря на относительно молодые годы, сумел внушить к себе большое уважение знакомым ему жителям пограничных селений: они принимали его за крупного предпринимателя контрабандных операций, но находили его «скуповатым», так как он, по принципу, торговался с ними из-за каждого гривенника.

Действительно, Зунделевич умудрялся решительно во всем за незначительную сумму получить то, на что другой потратил бы гораздо больше; как для Лизогуба, так и для него общественные средства были чрезвычайно дороги; поэтому он всегда старался как можно меньше их издержать.

Во время этой поездки за границу мы познакомились с теоретическими взглядами Зунделевича: несмотря на то, что на этот счет мы были подготовлены его товарищами, все же нас немало удивило то, что мы от него услышали.

Как я уже много раз сообщал в своих прежних записках, в те времена самой главной и обязательной работой русского социалиста считалась пропаганда и агитация среди крестьян, — стремление вызвать их на бунт, восстание для осуществления «народных желаний», почему мы и назывались «народниками» или «бунтарями». Организация «Земля и Воля», к которой принадлежал Зунделевич, являлась, как известно, главной выразительницей этого направления. Между тем «Мойша», будучи одним из наиболее видных членов «народнического» общества, самым решительным образом высказывался против какой-либо революционной деятельности среди крестьян: он находил ее совершенно бесполезной, говорил, что она ни к чему доброму не может привести и является, поэтому, лишь невознаграждаемой

потерей людей, времени и средств. К русским крестьянам, которых, как известно, все мы тогда склонны были превозносить чуть не до небес, находя у них всевозможные добродетели, «Мойша», наоборот, к немалому нашему изумлению, не только отгосился без всякого восхищения, но находил их грубыми, невежественными, несколько не склонными ни к социализму, ни к революции, при этом утверждал, что противоположное мнение является лишь выдумкой интеллигентов.

За исключением Фесенко ¹⁾, мне до встречи с Зунделевичем ни от кого больше не приходилось слышать подобного взгляда. Я склонен был объяснить этот его пессимизм тем, что как уроженец «черты» еврейской оседлости Мойша почти до юности находился лишь среди своих единоверцев и даже не умел говорить по-русски.

Если не в большей, то и не в меньшей степени удивил нас, переправлявшихся за границу трех бунтарей, его взгляд на нашу практическую деятельность.

В качестве «народников», главным родоначальником которых был, как известно, Бакунин, мы не только не считали нужным завоевывать политические свободы для России, но, наоборот, в теории являлись скорее противниками непосредственной борьбы за приобретение «буржуазных, конституционных учреждений», которые, по нашим тогдашним понятиям, могли лишь отдалить время торжества социальной революции, посеяв иллюзию свободы и поспособствовав еще большей эксплуатации трудящихся масс.

Поэтому велико было наше удивление, когда впервые от «Мойши», члена анархической организации, какой являлось общество «Земля и Воля», мы вдруг услышали превозношение «буржуазных порядков» и доказательства необходимости их завоевания для России.

Но конечного предела достигло наше изумление, когда в течение этой же совместной поездки мы узнали, что он является сторонником германских социал-демократов! Подолгу проживая по делам в Германии, Мойша, главным образом из бесед и посещений собраний, а также из чтения немецких газет и брошюр, недурно познакомился с та-

¹⁾ См. о нем в «За полвека».

мошным рабочим движением и стал ярким его приверженцем. В наших же глазах, — тогда, повторяю, отчаянных анархистов, — «социал-демократ» был синонимом реакционера, консерватора, — словом, всего худого, что только можно было себе представить в политическом отношении.

В описываемое время мы являлись не только убежденными анархистами, но к тому же и горячими, сангвиничными юношами, полагавшими, что русский крестьянин скорее всяких «там немцев социал-демократов» и вообще западных социалистов произведет социалистическую революцию и тем покажет пример Европе, — да и одной ли ей? И вдруг, оказалось, милейший, симпатичнейший «Мойша» позволял себе превозносить «немецкого колбасника» над русским крестьянином, прирожденным социалистом-революционером! За такое оскорбление следовало по меньшей мере выбросить этого «реакционера» из прекрасного экипажа, в котором мы с ним ехали по «ненавистой нам Германии» до железнодорожной станции. Но мы не только не сделали этого, а, наоборот, самым мирным образом беседовали, так как с ним трудно было ссориться. Когда же настало время расстаться, то мы с ним дружески простились, потому что, повторяю, несмотря на полную противоположность наших взглядов, мы находили «Мойшу» на редкость хорошим человеком, каким, забегая вперед скажу, он остался до самой смерти.

IV.

Таким образом летом 1878 г. Зунделевич являлся среди землевольцев одним из первых, высказывавшихся открыто и решительно за необходимость вести энергичную политическую борьбу, чтобы добиться разных свобод, между тем как преобладавшее большинство его товарищей это тогда решительно отвергало. К тому же эти свои, на наш тогдашний взгляд, крайне ошибочные воззрения «Мойша» при всяком случае очень настойчиво и горячо пропагандировал не только словом, но, как ниже увидим, и делом. Уже в одном этом была его огромная заслуга, на которую до сих пор почти никто не указал, что, конечно, крайне несправедливо.

Не только в указанных вопросах, сыгравших, как известно, очень важную роль в нашем революционном движении, — также и в других отношениях «Мойша» явился одним из пионеров: заодно с А. Михайловым он отстаивал необходимость создания прочной централизованной организации, основанной на принципе подчинения меньшинства большинству, что в те времена, вновь повторяю, господства анархических воззрений, совершенно отверглось нами как крайне вредная «немецкая выдумка». Далее «Мойша» же явился одним из первых сторонников «террористической деятельности» как приема для завоевания политической свободы в России. Поэтому он принял непосредственное участие в организации убийства ген. Мезенцева, а затем до самого его ареста не было почти ни одного такого акта, в котором он не играл бы более или менее активной роли, — вплоть до покушения на самого царя Александра II.

Глядя на мягкие, симпатичные черты лица доброго «Мойши», решительно невозможно было поверить, чтобы он был способен на столь кровавые деяния: «Мойша», вероятно, не мог муху раздавить, между тем он с удивительным хладнокровием, выдержкой и спокойствием принимал самое активное участие в подготовках отчаянных нападений, предпринятых несколькими смельчаками на всемогущего русского царя и его любимцев, — до того повелительно влияло убеждение в необходимости этого способа борьбы даже на самоотверженные, альтруистические натуры, отзывчивые на всякие страдания.

«Мойша» жил только для «дела», — для осуществления того, что он считал полезным, нужным, чтобы поскорее освободить Россию от господства в ней варварства, азиатчины. Он поэтому не боялся никаких лишений и страданий; его несколько не страшил грозившая ему бессрочная каторга, а то и смертная казнь, и, отдаваясь беззаветно интересам общего дела, лично для себя Зунделевич никогда ничего не искал. Ему решительно не были присущи ни в малейшей степени ни честолюбие, ни стремление к славе, к известности; его, видимо, удивляло одно лишь сознание, что и его капля меда имелась в общей борьбе за лучшее будущее угнетенных масс. В этом отношении Зунделевич не являлся исключением, — в те времена энту-

зиязма и самоотверженности многие революционеры в значительной степени отличались от позднейших деятелей, у которых на первом плане выступали их личные расчеты, самолюбие и честолюбие, но, само собою разумеется, как в 70-х г.г., так и в следующих периодах бывало немало отступлений в ту и в другую сторону.

У Зунделевича были еще и такие свойства, благодаря которым он превосходил всех своих тогдашних самых выдающихся товарищей, — за единственным исключением знаменитого Дмитрия Лизогуба, отдавшего, как известно, революционной борьбе все свое значительное состояние и в то же время жалевшего потратить буквально пятак на конку. Также и Зунделевич до самой смерти сохранил крайнюю бережливость и способность довольствоваться таким ничтожным минимумом, на который никто другой не мог бы существовать. Он был совершенно равнодушен к своей обстановке, одежде, пище. Ему было вполне безразлично, что и когда он поест. Он мог подолгу вовсе оставаться без пищи и сна и решительно никогда не выражал желаний поесть; никому также не упоминал он никогда, что терпит нужду или лишения. Можно было лишь удивляться, как при столь интенсивной работе, какую Зунделевич везде и всегда исполнял, и при его ригористическом образе жизни он все же выглядел не только бодрым, но и цветущим: унаследовав очень здоровый организм, он затем закалил его усердными физическими занятиями и очень умеренным образом жизни.

Другой чертой, отличавшей «Мойшу» от многих его современников, была его всегдашняя изумительная готовность без малейших колебаний взяться за выполнение любого дела, как бы мало и незначительно оно ни было, с какими неприятностям или риском ни было бы сопряжено его осуществление, начиная с занятия наборщика и перевозчика через границу и кончая участием в царубийстве. В каждом случае, когда нужна была та или иная работа, Зунделевич никогда не ждал, пока ему ее предложат: он сам раньше всех других принимался за дело даже тогда, когда товарищи находили, что он напрасно будет терять свое время и усилия на то, что в состоянии выполнить более его молодой и менее его занятой человек. Но в тех случаях,

когда «Мойша» находил, что именно он должен это сделать, никто уже не мог его переспорить и побудить поступить иначе: при безграничной мягкости, доброте и любви к товарищам, да и вообще ко всем без различия людям, Зунделевич обладал также огромной настойчивостью, упорством и постоянством в отстаивании того, что он считал верным, правильным, справедливым. Не могу здесь перечислить все предприятия, в которых он участвовал, но в дополнение к вышеупомянутым приведу еще два случая.

V.

Известно, что летом 1879 г. нескольким южным революционерам удалось, путем подкопа под херсонское казначейство, похитить из него 1½ милл. рублей. В тот же день, вследствие предпринятых энергичных розысков, был у главной организаторши этого предприятия, Елены Россиковой, отобран миллион. Остальную часть унес ее товарищ, прославившийся под кличкой «Сашка-Инженер» (Ф. Юрковский): он привез полмиллиона рублей в г. Алешки, где закопал их во дворе занимаемого им с женой домика. Но об этом знал также участвовавший в этом деле рабочий, который после ареста выдал все властям. Однако, несмотря на предпринятые в обширном, заросшем травой дворе раскопки, полиция не могла долго найти этих денег. Узнав об этом, некоторые революционеры строили планы, как бы пробраться на этот, зорко охранявшийся стражей двор, чтобы выручить хорошо закопанные 500 тысяч рублей. «Вот, будь «Мойша», он, вероятно, придумал бы безопасный способ», — говорили товарищи. А он в то время находился за границей, куда поехал по разным делам (между прочим, затем, чтобы перевезти обратно в Россию меня, Веру Засулич, Ольгу Любатович и Як. Стефановича). Когда, вернувшись в Петербург, Зунделевич узнал о критическом положении спрятанных «Сашкой-Инженером» денег, то немедленно отправился в Алешки выручать их. Но, совсем незадолго до его приезда туда, полиции, наконец, удалось, вековав весь двор, найти эти деньги. Узнай «Мойша» своевременно об этом предприятии, он, конечно,

сумел бы спрятать все похищенное так, что этого не нашли бы.

Другое, еще более рискованное, предприятие, которым был занят «Мойша» в то лето, окончилось вполне благополучно: я имею в виду приготовление динамита домашним способом.

К этому опасному взрывчатому веществу, лишь незадолго перед тем начавшему употребляться, революционеры еще не обращались. Нужно было поэтому обладать немалой отвагой, чтобы решиться на устройство «динамитной мастерской» в обыкновенной петербургской квартире. Но Зунделевича никакой риск никогда не мог остановить: за все он принимался спокойно, хладнокровно, взвешивая всякий шаг и заранее обдумывая все малейшие подробности и возможные случайности.

Занимаясь разнообразными практическими делами, «Мойша» в то же время далеко не был — как это часто случается с практиками — равнодушен к теоретическим вопросам. Правда, ни тогда, ни после, он не предавался целиком изучению разных научных теорий; все же, поскольку ему позволяли его подготовка, способности и находившееся в его распоряжении время, он всегда живо интересовался решительно всеми теоретическими вопросами любой области, занимавшей внимание современников.

VI.

Лето 1879 г. являлось одним из особенно знаменательных периодов в жизни общества «Земля и Воля»: возникшие среди членов его разногласия по вопросу о так называемой террористической борьбе привели, как известно, к созыву одного за другим двух съездов — в Липецке и в Воронеже.

Зунделевич все это время был за границей, чтобы, как я уже упомянул, помочь нам, вышеперечисленным четырем лицам, благополучно перебраться через границу в Петербург. Поэтому он ни на один из этих съездов не попал, но с его голосом товарищи считались, так как всем было известно, что он целиком на стороне «террористов».

Подобно Желябову, Михайлову, Квятковскому и другим наиболее выдающимся народолюбцам, Зунделевич так же

признавал необходимым не только продолжение указанного способа борьбы, но и усиление его, так как, повторяю, он считал его единственно допустимой, а потому и наиболее целесообразной в России революционной деятельностью. Ввиду этого принятое в его отсутствие на Воронежском съезде компромиссное решение не удовлетворило ни его, ни некоторых других членов общества «Земля и Воля», и возникшие разногласия не только не были устранены съездом, но, наоборот, они еще более усилились: когда после его окончания вновь съехались в Петербург многие представители обоих враждовавших направлений, а также и мы, «заграничники», то споры приняли особенно резкий характер.

Зунделевич, также приехавший спустя некоторое время в Петербург, сперва являлся заодно с нами, «заграничниками», примирителем, стремившимся, по возможности, смягчить очень обострившуюся взаимную вражду.

Нисколько не поступаясь своими воззрениями, он, благодаря мягкости своего характера, умел сохранить дружеские отношения со всеми нами, сторонниками «старинны», прозванными «деревенщиками». Когда же, наконец, в конце лета того года почти все убедились, что пребывание тех и других в одном лагере совершенно не мыслимо, ввиду непрекращавшихся споров, Зунделевич вместе с Желябовым и А. Михайловым внес предложение: лучше мирно поделиться на две независимые организации, чем, оставаясь в одной, тормозить занятия каждой из входящих в ее состав фракций.

Предложение это было одобрено другими членами общества «Земля и Воля»; при этом было решено, что для полюбовного раздела каждая фракция изберет из своей среды три уполномоченных представителя. Со стороны террористов, кроме Тихомирова и Михайлова, был избран Зунделевич, а с нашей стороны — Стефанович, Попов и, кажется, Преображенский. Участием Зунделевича в этой комиссии мы, «деревенщики», были особенно довольны, ввиду всеми нами признаваемого за ним беспристрастия, справедливости и благоразумия.

Нелегкая задача предстояла этой комиссии: ей приходилось сглаживать резкости, прорывавшиеся то у одного, то у другого из ее членов, а затем убеждать остальных това-

рищей согласиться на выработанные ею пункты, так как случалось, что большинство той и другой фракции соглашалось, наконец, на предложенные условия, но отдельные члены вдруг заявляли, что считают их несправедливыми и поэтому не передадут находящихся в их ведении общих предприятий, например, типографии, паспортного бюро и пр. И вновь «Мойше», с одной стороны, а Стефановичу — с другой, нужно было доказывать и убеждать несогласных, пока, наконец, им удавалось сломить упрямство наиболее неуступчивых товарищей. Не будь Зунделевича в числе уполномоченных со стороны «террористов», а Стефановича — с нашей, едва ли могло бы скоро состояться соглашение относительно полубовного, мирного раздела общества «Земля и Воля» на две совершенно независимые организации — на «Народную Волю» и «Черный Передел». При этом, кажется, также благодаря предложению Зунделевича и Стефановича, было обеими сторонами принято постановление, что эти две организации будут дополнять одна другую, всегда поддерживая добрые товарищеские отношения. Здесь замечу, что впоследствии лишь немногие осуществляли это благоразумное постановление. Но Зунделевич остался одним из тех, которые и в дальнейшем были миролюбиво настроены; он и впоследствии был в хороших товарищеских отношениях с чернопередельцами.

VII.

При возникновении народовольческой организации одним из наиболее активных членов явился Зунделевич, у него оказалась масса дел: ему необходимо было принять участие в устройстве на новом месте типографии для печатания органа «Народная Воля»; надо было попытаться спасти от конфискации имущество незадолго перед тем казненного Дмитрия Лизогуба, для чего ему пришлось снова ехать на юг, а затем он вновь должен был съездить за границу за динамитом и т. д.

Кажется, в октябре или начале ноября он опять появился в Петербурге. Встретившись однажды со мной и с Верой Засулич, он пригласил нас к себе «на чай». Мы охотно приняли это приглашение. Явившись затем к нему в усло-

вленное время, мы вполне миролюбиво беседовали о самых жгучих, резко разделявших нас вопросах. С присущей ему терпимостью, но по обыкновению настойчиво и страстно, он доказывал нам полную бесполезность всех наших стремлений, а мы, в свою очередь, энергично нападали на его взгляды и преследуемые им и его товарищами задачи. Но ни им, ни нами не было при этом произнесено ничего резкого личного, что было тогда — как, впрочем, и теперь — так обычно во время горячих дебатов.

Особенно хорошо запечатлелась в моей памяти эта наша мирная беседа о резко разделявших нас кардинальных вопросах, потому что она была у нас последней с Зунделевичем на воле: вскоре после этого его арестовали при следующих обстоятельствах.

Заинтересовавшись вопросом о централизованных заговорщицких организациях, что находилось в тесной связи с поставленными себе народовольцами задачами, «Мойша» начал посещать публичную библиотеку. Однажды, когда по окончании чтения он в гардеробной одел свое верхнее платье, швейцар пригласил его зайти в какую-то комнату, в которой оказалась полиция, подвергшая его обыску; при этом в карманах его пальто найдены были какие-то нелегальные издания, после чего его арестовали. Затем выяснилось, что накануне кто-то из посетителей библиотеки сбросил по столам какую-то прокламацию. Дано было знать тайной полиции, которая поручила швейцарам, находившимся в раздевальной осматривать карманы верхнего платья; всегда в высшей степени аккуратный и чрезвычайно осторожный «Мойша» на этот раз совсем забыл о случайно оставшейся у него в кармане нелегальщине.

За распространение или даже хранение подпольных изданий по тем временам полагалось тяжкое наказание, все же его можно было признать для Зунделевича сравнительно «легким», так как, узнав правительство о всех его деяниях, не миновать бы ему виселицы.

Нам, его товарищам, находившимся тогда на воле, казалось совершенно невероятным, что как-нибудь могла открыться властям роль Зунделевича в революционном движении: арестован он был, как мы уже знаем, случайно, к тому же один, без каких-либо указаний на его принадлеж-

ность к организации, а провокаторов, которым была бы известна вся его деятельность, тогда, как казалось нам, не имелось в нашей среде. Поэтому особенно бояться за участь «Мойши» не было оснований. Вышло, однако, иначе: явился предатель, какого никак нельзя было предположить. Им оказался не безызвестный Григорий Гольденберг, убивший незадолго перед тем харьковского губернатора, кн. Кропоткина: вскоре после его ареста, произошедшего почти одновременно с арестом Зунделевича, Гольденберг, поддавшись на доводы жандармов, в особенности ловкого тов. прокурора Добржинского, написал подробнейший доклад о всех и обо всем, что ему было известно и о чем он одним ухом от других слышал, не пощадив самых близких ему лиц. В этой чистосердечной исповеди было много места отведено, между прочим, Зунделевичу, которого Гольденберг считал лучшим своим другом.

Узнав через известного Клеточникова, служившего в III Отделении, о показаниях Гольденберга, мы мысленно навсегда попрощались с «Мойшей», так как нам казалось совершенно невероятным; чтобы после этих разоблачений он мог избежать виселицы.

Гр. Гольденберг особенно подробно распространялся о нем в своей «исповеди»: рассыпавшись в чрезвычайных похвалах по адресу «Мойши», этот ограниченный, а потому околпаченный человек изобразил всю важность для революционеров разносторонней деятельности Зунделевича, что и требовалось жандармам и прокурорам, раньше не имевшим о его «преступной деятельности» никакого представления. Только благодаря Гольденбергу, Зунделевич был причислен к самым важным преступникам, и ему грозила смертная казнь.

Когда в ожидании суда Зунделевича содержали в Петропавловской крепости, прокурор Добржинский и Плеве сообщили ему, что Гольденберг настаивает на том, чтобы ему дали свидание с ним или с Квятковским. Они поэтому осведомились, согласится ли он на такую встречу, если последует на нее разрешение. Зунделевич ответил утвердительно. Далее приведу подлинное самого Зунделевича сообщение из его ко мне письма.

«Мне казалось, что это будет целесообразно, в смысле внесения поправок в показания Гольденберга. Но так как

месяца два я больше ничего не слышал об этом вопросе, то я решил, что он снят с очереди. Когда меня привели в комнату для допросов и я там увидел Гольденберга, то это было для меня неожиданно.

«Комната эта была очень большая, и когда мы были в одном углу, то мы могли говорить так, что присутствовавший в ней Добрыжинский или Плева (или оба вместе, тоже расхаживавшие) могли не слышать нашего разговора, когда они находились в другом конце ее.

«Гольденберг сказал мне, что его погубил Добрыжинский и что он решил покончить с собой, для чего им выработан определенный план. Я ему посоветовал, во всяком случае, до суда ничего не предпринимать, так как на суде, смотря по ходу дела, он будет в состоянии изменить или взять обратно ту или другую часть своих показаний. Он, казалось, соглашался со мной, и я был удивлен, когда увидел в обвинительном акте, что Гольденберг, ввиду его смерти, не вызывается».

Как видим, Зунделевич даже в данном случае проявил снисходительность по отношению человека, погубившего его и многих других.

Наши опасения относительно угрожавшей общему любимцу виселицы, к величайшей нашей радости, совершенно неожиданно не оправдались: его не казнили, причиной чего было несколько крупных фактов, произошедших между его арестом и судом над ним.

После двух покушений, произведенных террористами на Александра II, путем взрыва поезда в ноябре 1879 г. под Москвой и в феврале 1880 г. в Зимнем дворце, назначен был, как известно, гр. Лорис-Меликов «верховным распорядителем» в России, об'явивший «диктатуру сердца». Ввиду этого ему неудобно было ознаменовать свое вступление в управление страной многими смертными казнями.

Зунделевич был привлечен к разбиравшемуся весной 1880 г. процессу 16-ти, по которому судились несколько лиц за очень тяжелые деяния. Из них смертная казнь была, как известно, применена к Квятковскому — ввиду его участия во взрыве Зимнего дворца, во время которого погибло много солдат, а также к рабочему Преснякову, убившему при аресте полицейского. Как непричастный к непосред-

ственному убийству кого-либо Зунделевич был поэтому приговорен к бессрочной каторге.

Просидев затем в Петропавловской крепости на каторжном положении, он в следующем году был отправлен в Сибирь, на Кару.

VIII.

Четыре с чем-то года спустя я также очутился в этой каторжной тюрьме. За истекшие за время с нашей последней встречи с ним в Петербурге, о которой я выше сообщил, шесть лет много перемен произошло в моей жизни. Как известно, из анархиста, народника, бунтаря я, вместе с Аксельродом, Верой Засулич, Василием Игнатовым и Г. Плехановым, превратился в социал-демократа, а Зунделевич, как мы уже знаем, считал себя социал-демократом еще во второй половине семидесятых годов. Поэтому, приближаясь к Каре, я с удовольствием думал, что буду там не единственным представителем нового, нелюбимого русскими товарищами «немецкого социализма», как тогда с пренебрежением некоторые называли марксистов. Жизнь в одной тюрьме с добрым, мягким, заботливым о других Зунделевичем мне представлялась настолько привлекательной, что, казалось, я забуду или, во всяком случае, мне значительно легче будет переносить все те лишения и огорчения, с которыми связаны условия «каторжного положения». Много раз поэтому по пути на Кару я вспоминал наши бывшие разговоры с Зунделевичем на воле — за границей и в Петербурге, — и мысленно я признавался самому себе, что он был прав во многом, о чем нам приходилось тогда спорить.

«Только бы поскорее прибыть на Кару», — думал я не раз во время семимесячного тяжелого передвижения по сибирским этапам и тюрьмам.

Наконец, в середине декабря 1885 г., в сумерках, я не только добрался до столь давно желанной пристани, как сибирская каторжная тюрьма, но меня посадили в ту же общую камеру, в которой помещался и Зунделевич. Мало того, зная, что мне хочется быть поближе к нему, один из товарищей — «Ваничка» Старынкевич — великодушно усту-

пил мне свое место на нарах, благодаря чему я очутился рядом с Зунделевичем. Радость мою поймет лишь тот, которому пришлось пережить аналогичное чувство, который, напр., после многих лет разлуки с любимым человеком, потеряв уже надежду, когда-либо с ним свидеться, вдруг совершенно неожиданно встретит его при тяжелых условиях.

Как в физическом, так и моральном состоянии Зунделевича я нашел большую перемену. Оно и понятно, так как за протекшие годы ему пришлось очень многое перенести и испытать. Исчезла со щек его краска, заменившаяся землисто-бледным цветом, присушим лицам, долго находящимся в заключении; не было также прежней живости движения, в особенности в глазах, которые выражали какую-то глубокую грусть. Вообще Зунделевич казался уже не тем бодрым, подвижным человеком, каким я его знал на воле.

Лежа рядом, почти плечо к плечу, на нарах, мы в первые дни подолгу беседовали, вспоминали «минувшие дни», погибших и оставшихся на воле товарищей. Я ему сообщал о своих приключениях и происшествиях; он знакомил меня с его переживаниями, с тюремными историями и порядками, установившимися на Каре, и т. п. Пока беседы наши касались только этих тем, я видел перед собой прежнего, хорошо мне знакомого и любимого «Мойшу», снисходительного к другим, понимающего людские слабости, заботливого и внимательного к товарищам. Но вот, наконец, мы, спустя несколько дней, дошли до политических наших убеждений, и, к великому моему разочарованию и огорчению, я убедился, что не единомышленника, как я ожидал, а яркого противника дорогих мне взглядов встречаю я в Зунделевиче: жизнь за истекшие шесть лет и в этом отношении изменила его. Нет, вернее сказать, что Зунделевич остался, в общем, при прежних своих воззрениях, и лишь я, не поняв его на воле, приписал ему тождественные нашим убеждения.

Как я уже сообщил выше, Зунделевич признавал правильной деятельность немецких социал-демократов, но — только для Германии. В России же, при отсутствии в ней какой-либо возможности открыто действовать, тактику со-

циал-демократов он находил невозможной: он считал ее «абсурдом». «Сперва, — говорил он, — нужно завоевать политическую свободу путем террора, а тогда уже возможно будет применять немецкую тактику — ведение мирной пропаганды и агитации». Несмотря на печальный опыт своей партии «Народной Воли», доведший Россию до страшной реакции в течение царствования Александра III, умный Зунделевич все же продолжал верить в тот «абсурд», будто интеллигенты путем динамитных бомб и т. п. средств добьются конституции. Словом, Зунделевич отстаивал прежние свои взгляды, которые он давно развивал мне при нашей совместной поездке за границу. Но, если тогда, в 1878 г., они еще имели какое-нибудь основание, так как террор начал лишь впервые применяться и еще нельзя было предвидеть, к каким последствиям он приведет, то семь лет спустя, в самый разгар реакции, наступившей в начале 80-х г.г., мне, повторяю, в свою очередь, казалось «абсурдным» придерживаться этих взглядов. У нас поэтому нередко происходили горячие схватки, в сильной степени расстраивавшие нас обоих. Мы не сходились решительно ни в одном вопросе, раз только речь заходила у нас о политике. Мы поэтому вовсе перестали касаться общественных тем, и в течение некоторого времени между нами появилась натянутость, холодность.

В душе я сознавал, что неправ по отношению Зунделевича: не виноват он был в том, что, как я уже сообщил, рано пошел в тюрьму, где сохранил воззрения, принесенные им с воли, — известно, что в этом отношении тюрьма консервирует заключенных. Но я не умел спокойно, не раздражаясь, знакомить его с выработавшимися у нас взглядами. «С другой стороны, не виноват и я, — размышлял я, — что мне дорого все то, на что он нападает».

Как и все почти тогда заключенные в Карийской тюрьме, Зунделевич также отрицал научность теории Маркса, хотя в то же время он, в отличие от остальных, считал себя единомышленником немецких социал-демократов.

Месяца два спустя я перешел в другую камеру и, встречаясь с Зунделевичем на общих прогулках, мы в течение многих лет продолжали избегать щекотливых тем.

IX.

Как и на воле, Зунделевич и в тюрьме был общим любимцем. С большинством заключенных, к тому же с лучшими из них, он был в самых приятельских отношениях — на «ты». Такое расположение к себе Зунделевич приобрел теми же чертами характера, тем же нравом, который выделял его и на воле.

Он ни малейшим образом не проявлял ни самолюбия, ни, тем более, честолюбия, ничуть не стремился выдвинуться вперед, наоборот, Зунд, как звали его, скорее готов был всегда умалить свое достоинство, способности и заслуги. Большой почестью, напр., считалось многими на Каре быть избранным в «старосты» существовавшей у нас общей хозяйственной артели, и некоторые охотно принимали на себя эту почетную, хотя и очень тяжелую, сопряженную со многими неприятностями, функцию. Зунд в течение восьми лет, проведенных им в Карийской тюрьме, несмотря на просьбы товарищей, упорно от этой «почести» отказывался, зато охотно брал на себя всякий тяжелый и неприятный труд, заменяя других или облегчая им работу. Исполнял он любое дело без малейшего напряжения, легко, с полной готовностью, никогда ни единым словом не выражая неудовольствия ни по поводу неприятности данной работы, ни трудности ее для себя. Некоторые из них бывали чрезмерны для его сил, и даже более его здоровые парни уклонялись от них; так, он таскал на себе пятипудовые кули с мукой, вносил по лестнице в кухню и в баню большие ушаты с водой, рубил, колот дрова и пр. Когда нам было разрешено завести на тюремном дворе огород, Зунд явился самым энергичным и неутомимым работником: он копал, сеял, поливал, полот, — словом, до того усердно возился с огородом, что достиг поразительных результатов в деле снабжения всех нас, его товарищей по заключению, столь необходимыми продуктами, как овощи, отсутствие которых вызывало у многих из нас тюремную болезнь — цыngu.

В своих потребностях Зунд в тюрьме дошел до еще большего ригоризма, чем на воле, так как, кроме присущей

ему способности довольствоваться немногим, крайне стесненные, если не сказать, тяжелые материальные условия, в которых нам приходилось, особенно временами, там жить, — побуждали его во всем себя урезывать, чтобы другим больше доставалось.

Трудно, конечно, передать здесь все многочисленные и вместе с тем мелкие факты повседневной тюремной жизни. К тому же, полагаю, каждый побывавший в тюрьме — а кто из уроженцев России не имел этого счастья? — сам знает из-за каких пустяков в заключении за решетками, а также в ссылке, нередко проявляется даже у выдающихся людей себялюбие, эгоизм, мелочность. Зунд решительно во всех условиях жизни оставался неизменно альтруистом самого лучшего типа. Неудивительно поэтому, что, несмотря на расхождение многих с ним во взглядах, он, как я уже сказал, всюду пользовался общей симпатией.

Ни единым словом он никогда не жаловался на свою судьбу, на казавшееся всем нам тогда беспросветное будущее его: ведь как бессрочный каторжанин он не мог рассчитывать когда-либо очутиться на воле. Попасть в тюрьму в двадцать пять лет и не иметь надежды когда-нибудь вновь подышать вольным воздухом, такое положение может даже самого сильного человека повергнуть в уныние, отчаяние. Зунд же, повидимому, бодро переносил выпавший на его долю жребий, утешая себя, быть может, мыслью, что могло, ведь, и еще худшее произойти.

Мне как-то не приходилось говорить с ним на эту тему, но я глубоко уверен, что тогда, на Каре, он не только был равнодушен к несостоявшейся над ним казни, но нередко, наверное, сожалел, почему она его миновала. На меня он производил впечатление человека, всегда готового к смерти, — не потому что он разочаровался в жизни и в революционной деятельности или вследствие тяжелых условий каторжного режима, но, как отважный воин, смело идущий в бой, так же и он давно свыкся с мыслью о смерти, а потому, как говорится, всегда спокойно смотрел ей в глаза.

Вероятно, отчасти по этой причине Зунд не придавал, как-то делали другие, большого значения каким-либо теоретическим занятиям. Отличаясь от природы большими умственными способностями, он, однако, предпочитал всякий

физический труд умственному. Нельзя сказать, чтобы, находясь в тюрьме, он вовсе не интересовался книгами, нет, он читал все, что подвернется, но без системы, не вкладывая в это души. Как это сплошь бывает в местах заключения и в ссылке со многими, так же и Зунд всегда любил поспорить по любому теоретическому или практическому вопросу, при чем он проявлял недурные диалектические способности. Но, подобно всем застенчивым людям, он никогда не брал слова на больших собраниях, при многочисленной аудитории, хотя всегда мог бы сказать много дельного, умного.

Будучи также недурным стилистом, — что отчасти проявлялось в его письмах ¹⁾ и в переводах с иностранных языков (он хорошо знал еврейский, русский, немецкий и английский языки), — тем не менее, он ни за что не соглашался испробовать свои силы на литературном поприще; здесь, конечно, сказывалась одна из характерных черт его характера, — чрезвычайная скромность.

X.

Мы прожили с Зунделевичем в Карийской каторжной тюрьме около пяти лет, — до осени 1890 г., когда ее упразднили, выпустив часть заключенных в так называемую «вольную команду», а тринадцать человек отправили в устроенную в Акатуе ²⁾ новую тюрьму, в которой политических во всем сравнили с уголовными. Вместе еще с двенадцатью карийцами Зунд отправился туда на новые муки.

Режим в этой «образцовой» каторжной тюрьме был заведен крайне суровый, чтобы не сказать жестокий. Но и там, повидимому, Зунд мирился со своей участью, несмотря на лишения, страдания и тяжелый труд в рудниках; никакая отчаянная обстановка не в состоянии была подкосить этого изумительно выносливого человека. Насколько могу припомнить, из всех политических заключенных в Акатуе он особенно близко сошелся с поэтом Якубовичем, который под

¹⁾ Надеюсь опубликовать имеющиеся у меня письма его.

²⁾ Порядки этой тюрьмы описаны Мельшиным-Якубовичем в его известной книге «В мире отверженных».

влиянием бесед с ним написал несколько прекрасных стихотворений.

Два манифеста, дававшие некоторые сокращения сроков и политическим каторжанам, были объявлены в царствование Александра III, но Зунда как важного террориста они обошли. Однако по закону, также и бессрочных каторжан по прошествии двенадцати лет пребывания в тюрьме полагалось выпускать в «вольную команду». Поэтому в 1892 г. Зунд вновь прибыл в поселок Нижняя Кара, где я, вместе с другими политическими, жил вне тюрьмы. Таким образом мы вновь очутились в одном месте в «вольной команде».

Тяжелые испытания, которым он подвергался в Акатуевской тюрьме, однако, не наложили на него ни малейшего отпечатка; наоборот, казалось, что он вернулся оттуда еще более здоровым и окрепшим, чем был при нашем расставании. Когда же заходила речь о режиме этой тюрьмы и другие бывшие акатуйские узники, пришедшие с ним оттуда, не находили слов для изображения происходивших там ужасов, — Зунд с добродушной улыбкой старался смягчить их рассказы, говоря, что вовсе уж не было так невыносимо скверно там, что и там имелись хорошие, положительные стороны.

Еще до ухода с Кары в Акатуй, под влиянием отчасти бесед, отчасти чтения, Зунд в значительной степени изменил свои взгляды относительно целесообразности террора и вообще народовольческих убеждений. Деятельность русских социал-демократов, т.-е. группы «Освобождение Труда», с произведениями которой нам, заключенным, отчасти удалось познакомиться, уже не казалась ему столь бесцельной, а тем более «абсурдной», как во время моего прихода на Кару; наоборот, во многом он стал уже одобрять заграничных товарищей: время сделало свое, и как умный, мыслящий человек Зунд в конце концов не мог не сделать выбора между отжившим миросозерцанием, которым являлось народовольчество, и вновь возникшим, которое представляло наше, марксистское.

Но, разделяя отчасти последнее, Зунд, задолго до Берштейна и других ревизионистов, еще в самом начале девяностых годов, стал вносить в него «поправки» совершенно оппортунистического характера. К этому я относился вполне

терпимо, так как никакого — ни теоретического, ни практического — ущерба не видел в производимой им в беседах со мною на Каре «критике» Маркса. Он просил меня, чтобы я в своих письмах к заграничным товарищам — к П. Б. Аксельроду, В. И. Засулич и Г. В. Плеханову — сообщил о его «поправках», что я исполнил. Забегая много вперед, скажу здесь, что Зунд и в дальнейшем остался приверженцем правого крыла германской социал-демократической партии и всегда критиковал тактику и воззрения левых, ортодоксальных марксистов.

Немногое могу прибавить о нашей совместной жизни в «вольной команде», также длившейся пять-шесть лет. По-прежнему, вечно не покладая рук, Зунд работал за двоих, исполняя всякие хозяйственные, сопряженные с физическим трудом, функции. Между прочим, уступив, наконец, настояниям товарищей, он согласился быть нашим артельным старостой, которым неизменно оставался в течение нескольких лет. Исполнял он эту сложную и тяжелую функцию, как и все, за что брался, наилучшим образом, вкладывая в нее всю душу и старался, поскольку это от него зависело, улучшить и облегчить условия нашей жизни.

XI.

В середине девяностых годов, в течение короткого промежутка времени, было вновь объявлено один вслед за другим два манифеста: по случаю бракосочетания и коронации нового царя. На этот раз Зунд также не был изъят из них, и срок его был сокращен до двадцати лет. Поэтому, ввиду полагавшихся по закону скидок, он должен был уйти на поселение в 1898 г. Таким образом, проведши в сложности в заключении и в вольной команде девятнадцать лет, Зунд, наконец, очутился на поселении в Забайкальской области.

Ему разрешено было остаться в городе Чите, куда и мне, жившему на ст. Сретенск, однажды удалось приехать и свидеться с ним. Но никакой разницы в его образе жизни я не нашел во время его пребывания на поселении: вечный труженик, предпочитавший физическую работу интеллигентской профессии, он, будучи в областном городе, не стре-

мился, как другие товарищи, занять какую-нибудь привилегированную службу при строившейся тогда в Забайкальской области дороге. Одно время он служил на каком-то участке в качестве дорожного десятника, жил вместе с рабочими в наскоро сколоченной хибарке и пр. Затем, в Чите, он подрядился доставлять воду на вокзал, для чего обзавелся своей лошадью, телегой и бочкой. На этом занятии застала его война с Японией и революция 1905 г.

Объявленная тогда всеобщая амнистия доставила Зунду, в числе других, после 26 лет, проведенных в тюрьмах и на поселении, возможность вернуться на родину, чтобы увидеть «обновленную страну».

Пережив в Сибири «митинговый период», железнодорожную стачку и карательные экспедиции, Зунд благополучно добрался в 1906 г. до Петербурга, где я в то время находился, занимая большой номер в Петропавловской крепости. Мы поэтому тогда не могли свидеться. Но год спустя, во время съезда нашей партии в Лондоне, мы, после семилетней разлуки, вновь встретились. Приехав в Лондон в 1907 г., он навсегда поселился там.

Нужно ли прибавить, что и в Лондоне я нашел Зунда мало изменившимся, — только сильно поседел мой старый друг. Он и там вел прежний образ жизни, неизменно сам готовил себе на несколько дней одно какое-нибудь блюдо, приходил решительно каждому на помощь и пользовался общей любовью и уважением.

Осенью 1916 г., на обратном пути из Нью-Йорка в Зап. Европу, я очутился в Лондоне, где снова в течение пяти месяцев почти ежедневно видался с Зундом. Он занимал все ту же комнату в семье рабочего и вел обычный образ жизни, — в этом отношении протекшее десятилетие не внесло ни малейших изменений.

Разразившаяся в России февральская революция вызвала у него, впервые за долгие годы пребывания в Англии, желание вернуться в Россию, но все тот же чрезмерный альтруизм, который ему был присущ, — предоставление другим преимуществ, — помешал осуществлению этого желания.

Ввиду страстного желания огромного числа наших эмигрантов, проживавших в разных заграничных странах, вернуться поскорее в Россию, приходилось соблюдать оче-

редь, так как по случаю подводной войны, предпринятой немцами, из Англии лишь раз в неделю уходили с чрезвычайными предосторожностями крохотные военные пароходы. Выбранный единогласно в созданную комиссию для распределения очередей желавших вернуться, Зунделевич и в этой функции проявлял обычные черты: полное беспристрастие, аккуратность, неутомимость. Свой отъезд он поэтому откладывал до того момента, когда решительно все жаждавшие вернуться уедут. Таким образом его возвращение затянулось на бесконечное время, а затем у него совсем прошла охота сделать это, и он по-прежнему остался на той же квартире.

Смерть постигла Зунда во время его обычных хлопот по делам ближних. Вот как проживающий в Лондоне брат его, Илья Псаакович, описал мне обстоятельства, сопровождавшие его кончину.

«Умер брат скоропостижно, в четверг 30 августа, за несколько минут до или после полуночи, у меня на квартире. В эти дни я был дома один. В злополучный четверг, около половины десятого вечера, пришел Аарон. Сел, стали беседовать. Он курил свои обычные самокрутки. Он всегда в последнее время — можно сказать в последние 1½ — 2 года — сильно кашлял, особенно сильно раскашливаясь своей так называемой «папирской», состоявшей из бумаги и щепотки дешевенького табаку. Это курево так явно раздражало его дыхательные пути и вызывало кашель, что невольно, бывало, делаешь по этому поводу замечание, которое его только раздражало. В этот вечер он кашлял особенно сильно. Я спросил его: «Ты что так сильно кашляешь? Простудился?» — «Да, — ответил он, — вчерашний вечер на меня плохо повлиял». А накануне была ужасная погода: дождь, вихрь, холод, — и он, по обыновению, ходил по городу по каким-то делам.

«До этого вечера в четверг я был с ним вместе на вокзале. Во вторник до полудня он выглядел, как всегда, был бодр, шутил. В среду я его не видел.

«Я привык к его простудам, которые он переносил на-ходу, не обращая на них внимания. Я и теперь

не придавал ей значения. Мы напились чаю, побеседовали, по обыкновению поспорили о чем-то. Часам к одиннадцати я заметил, что он дышит труднее обыкновенного. Я ему стал говорить, что необходимо все-таки повидать врача; что он более или менее прав, утверждая, что врач не излечит его от кашля, но даст что-нибудь, что его облегчит. Он всегда эти замечания считал вздорными; так он отнесся к моим словам и теперь. Он собрался уходить. Я стал уговаривать его остаться на ночь у меня. Он категорически отказался, сказав, что лучше себя чувствует в своей кровати. Он поднялся, одел пальто. Я пошел с ним проводить его до трамвая, куда ходьбы минуты две. Видя, что дыхание у него становится хуже, я ему сказал, что его одного не отпущу, что поеду с ним. Мы ждем трамвая, но я вижу, что ему становится хуже. Ему трудно держаться на ногах, он присел на тумбу. Тут я опять стал говорить, что нелепо уезжать, когда он может переночевать у меня. «Ну, ладно,—сказал он,—пойдем обратно». Мы пошли обратно. Шел он с трудом. Минуты через 4—5 мы были дома. В сенях он остановился, просил снести ему стул. Он сел. Дыхание у него было очень затруднительное. «Такой гадости у меня еще никогда не было»,—заметил он. Я пошел вверх, приготовил кровать, помог ему подняться. Он стал раздеваться. Я принес воды. Я ему сказал, что пойду искать врача. «Попробуй,—сказал он,—только едва ли найдешь». Это были последние слова, которые я слышал от него.

«Я был один и хотя я не думал, что развязка так близка, все же видел, что нужен врач. Пришлось оставить его одного. Из ближайшей телефонной будки я стал звонить знакомым врачам. Телефон ночью действует плохо; отовсюду отвечают лишь после долгих ожиданий, которые мне казались вечностью. Из врачей никого не оказалось дома. Пришлось идти назад домой. Я отсутствовал минут 30—35 или 40—тоже не знаю. Когда я зашел в комнату, я нашел Аарона мертвым.

«На столе возле кровати лежала на половину свернутая папироска. Лицо было глубоко спокойно, как у

уснувшего. Пульса не было. Я стал его звать, растирать ему грудь, руки, конечно, бесполезно. Приехавший поздно врач мог только констатировать смерть.

«Так как Аарон до того ни у кого не лечился и умер скоропостижно в отсутствии врача, то было судебное дознание и вскрытие. Нашли жировое перерождение сердца в очень развитой форме и воспаленное состояние легких. Последнее было, вероятно, результатом простуды, схваченной накануне.

«Врач, производивший вскрытие, заявил на дознании, что никакая медицинская помощь, во-время данная, не спасла бы Аарона.

«Я, Фанни Степняк и некоторые друзья смотрели на него, в течение полутора суток лежавшего на постели, и не верили глазам своим. Такое было ясное спокойствие на лице, так сохранились его черты, его обычное спокойное выражение, что, казалось, он дышит, спит, вот-вот проснется, поднимется и заговорит. Но он не просыпался.

«Похороны состоялись 4 сентября в крематории. Собралась разная публика. Были произнесены краткие речи. Урну с пеплом поместили в нишу в одном из помещений (колумбариев) при крематории.

«Последние дни жизни Аарона ничем не отличались от других дней его жизни здесь. В последний день он чувствовал себя плохо: хотел поехать посмотреть коттедж, который Фанни сняла для себя и сестры, подошел к трамваю, чтобы отправиться на вокзал, но почувствовал сильную боль в груди и должен был вернуться домой. Полежал пару часов, и прошло. В тот же день около 5 часов его видел его приятель студент-медик в одной конторе в городе, куда он пришел хлопотать об изыскании средств для этого же студента. Последнему не понравился вид Аарона, и он ему это высказал. «Покажите ваш пульс», — сказал студент. Аарон, обыкновенно, в таких случаях отшучивавшийся и пускавший колкости по адресу медицины, на этот раз дал ему пощупать пульс, который тот едва смог нащупать. Ему было ясно, что состояние Аарона нехорошее. Аарон не согласился отправиться отдохнуть, го-

воря, что у него много очередных работ. Что-нибудь еще сделать было невозможно, ввиду большого упрямства, которое Аарон проявлял в таких случаях.

«Ну, вот, так все и кончилось. И. З.»

В заключение замечу следующее.

В своем романе «Андрей Кожухов» Степняк под именем Давида несомненно желал изобразить Зунделевича. Но хотя он относился с явной симпатией к этому лицу и кое-какие черты заимствовал у Зунделевича, все же Давид мало напоминает действительного «Мойшу». Не говоря уже про то, что Степняк представил Давида человеком очень односторонним, он к тому же изобразил его пламенным еврейским патриотом; «Мойша» же не был ни тем, ни другим: как можно заключить даже из моего беглого очерка жизни и деятельности Зунделевича, это очень сложный, от природы богато одаренный человек. К сожалению, проклятые русские условия не дали возможности развернуться крупным и разнообразным его дарованиям.

Из двух типов, на которые можно разделить большинство людей — честолюбцев, думающих главным образом о себе, и альтруистов, живущих для других, — Зунделевича следует, конечно, отнести к последним.

Немало подобных Зунделевичу людей «не от мира сего» находилось среди революционеров, но из них одним из наиболее ярких являлся А. Зунделевич, лишь очень слабый, к сожалению, образ которого мне удалось дать здесь.